

Фридрих Антонов

Книга первая

Стихи разных лет

Фридрих Антонов

Книга первая. Стихи разных лет

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Книга первая. Стихи разных лет / Ф. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903721-3

В этой книге приведены стихи разных лет, написанные на разные темы и по различным поводам. Все они связаны только одним — восприятием автора описываемых событий.

ISBN 978-5-44-903721-3

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Весенний снег	7
Зарисовка с натуры	8
Мой мир	9
Музейный двор	10
Оркестр	12
Зарисовка	13
Завела дорога за село	14
Жене	15
Другу	18
Утро на перевале	19
Поэма о лошади	20
Ночь	22
Если активный, но дурак	23
Тоска	24
Розы и шипы	25
Шутка	26
Поездка в Россию	27
Старые церкви	28
Путешествие по Сухоне	29
Лесной посёлок на Сухоне	30
Декабристы	31
Загадка	33
Симпатичная	34
Судьба крестьянина	35
Бюрократы	37
Что-то нет ни единой строки	38
Ощущение весны	39
Лунная поляна	40
Лунный свет	41
Федерико Гарсиа Лорка	42
Закон	43
Прозрение	44
Осень	45
Моцарт	46
Зимний этюд	47
Музыка	48
Памяти Неждановой	49
Ференц Лист	50
Шопен	51
Н. А. Некрасову	52
Из окна самолета	53
Е. Мравинскому	54
Георгу Отсу	55
Леониду Когану	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Книга первая Стихи разных лет

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2019

ISBN 978-5-4490-3721-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге собраны стихи разных лет. Это и воспоминания детства, и различные отклики на какие-то явления современной жизни. Есть стихи связанные с природой, музыкой, театром, есть посвящения гениальным поэтам и музыкантам: Моцарту, Листу, Федерико Гарсиа Лорке, Некрасову и многим другим. Стихи писались в разное время, в разные периоды жизни и по различным поводам. Они никак не систематизировались, периодичность написания также никак не принималась во внимание. Ранее написанные стихи вполне могли оказаться в конце книги и наоборот. Некоторые произведения, ввиду их содержания, снабжены годом написания, чтобы было ясно, когда они написаны – в советское, перестроечное или какое-то иное время. Размеры произведений также, никак не регламентированы. Это и небольшие четверостишия, и произведения, которые можно считать небольшими поэмами. Что касается поэтического размера стихов (ямб, хорей или, простите, гекзаметр), то и здесь – никакой привязанности. Всё зависело от того – что и как хотел сказать автор. А что из всего этого получилось – судить читателю.

Ф. Антонов

Весенний снег

Пришла зима холодная без снега,
Ушла фатой накрывшись пыльной прочь.
А вот теперь, весеннею порою,
Метели снежные беснуются всю ночь.

Наутро выглянешь в замёрзшее окошко —
Ковром сверкающим укутана земля,
Играет солнышко на выпавшей пороше,
В снежинках вспыхивая блёстками огня.

Ковёр живёт, пушистится, сверкает —
Качнёшься в сторону – он сыплется огнём,
Когда в него ладони опускаешь,
То мягкость пуха чувствуется в нём.

Мальчишки во дворе со смехом лепят бабу,
Катаются в снегу, толкаются, визжат,
Малыш на саночках запряг наверно папу.
А вот на горку лыжники спешат.

И забываются на этот праздник глядя,
И слякоть зимнего тягучего дождя,
И плач заброшенного сумрачного сада,
При виде рыжего, курносого «вождя».

Зарисовка с натуры

Века, одетые в дремучие седины,
Проплыли перед древнею землёй...
Река, с излуциной в долине,
Подёрнута прозрачной пеленой...
Во всём – возвышенный покой.

Глядят в пучину вод суровые утесы
И тихо спят под мерный плеск волны,
Чуть шепчется камыш и в даль уходят плёсы,
Неведомого таинства полны.

Передо мной гармонией бессмертия,
Река струится меж изломами холмов,
Они уходят в даль рисунком безупречным,
Звучат тугими рифмами стихов.

След плуга ли вдали, или лесов шептание,
Хранит в себе красавица земля...
Здесь видятся и «древние предания»,
Захоронённые в бескрайние поля...
И след недавнего жилья...
А может это –лишь, фантазия моя?

Мой мир

Пишу зарывшись в одеяло,
Зажёг светильник пред собой,
Прошедший день оставив на задворках,
С его морокой, бытом, суетой.

Отбросив всё, что тягостно давило,
Отбросив всё, что душу всею жгло.
И то, что так удачно выходило,
И то, что прахом по свету пошло.

Всё прочь долой, за дверью оставляю,
Здесь мир царит во мне – совсем иной.
Я здесь как будто заново рождаюсь
И становлюсь самим собой.

Один я здесь. Люблю я эти думы,
Что наплывают тихо в тишине.
Здесь могут петь таинственные струны
И тут поэзия является ко мне.

Музейный двор

Вечерело. У музея,
Шёл я сумрачной аллеей.
За оградой во дворе,
В угасающей заре,
Вижу каменные бабы,
В полусумраке стоят.
И внимательно глядят.

Взгляд угрюмый, колдовской,
Отдаёт слегка тоской.
Задержался у ограды
И задумался... Покой...

Иногда со мной бывает,
Всё куда-то исчезает,
Наплывает будто сон,
Чудится со всех сторон...

Даль, излучина речная,
Ширь могучая степная.
За излучиной речной,
Град былинный небольшой,
Как живой в дали стоит,
И бойницами глядит.

А под стенами толпою
Грозно идола стоят,
В вечность тёмную глядят.

Сквозь далёкие столетия,
Сквозь эпохи лихолетья,
Не смыкая тяжких век,
Стерегут тот дикий берег.

В пустоту глядят, в пространство...
Неземное постоянство!
Бред! Учёный человек...
А ведь моторошно!
Бег времени остановился...
Там когда-то люд селился...

Лошадь шла на водопой,
Шёл к богам народ толпой,
Каждый со своей мольбой...
Кто с сумою, кто с клюкой.

Кто с несбыточной мечтой!

Были хлеб и подношенья,
Были жертвоприношенья,
Были счастье и покой.
Наваждение, стой!

Предо мною двор простой...
Двор музейный и пустой...
Идолы в углу стоят
И в мои глаза глядят...

Были некогда могучи...
Но свезли их просто кучей
И расставили толпой —
Им бы в степи, на покой!

Но теперь они по штату —
Для музея экспонаты.
А музейники ни-ни!
Благодетели они.

И стоят они дозором,
Окружённые позором,
Разрисованные там,
Где запретно было нам.

С ними пьяницы пируют.
Есть такие, что воруют
И везут в особняки.
Современные царьки.

И дела теперь такие!
Ходят власти городские...
Но в курганы путь закрыт!
Тот распахан, тот разрыт.

И везти куда — невесть...
И в музеях им не в честь!

Вот такие тут дела!
На излучине была...
А теперь картина здесь...
Через чью-то дурь и спесь!

Оркестр

Масса живая, творящая музыку,
Чутко трепещущее существо,
Звук и движение – одно побуждение,
Единая мысль и одно божество.

Чистый рисунок резцом обозначенный,
Тонкий, изящный (но только живой),
Полный экспрессии, мощной энергии,
Будто беседу ведущий с тобой.

Чутко живёт он в едином движении,
Здесь, и порядок, и чёткий настрой,
Некое действо, в котором и хаос
Приобретает, и смысл, и покой.

Я иногда позволяю без звука,
Молча смотреть на рабочий процесс,
На перемены движений в оркестре,
Как он работает в ритме чудес.

Звук отключаешь, на миг, на мгновенье,
Просто на массу, на страсти смотри,
На перемены, на ритм и движение.
Много не надо – секундочки три.

Как муравейник. И звук не мешает.
Страсти, эмоции – не перечесать...
Многим покажется это забавно...
Ну, и... хорош, околесицу несть!

Слушайте просто, любите, страдайте
И уноситесь к заветным мечтам.
В музыке всё позволительно нам.

Зарисовка

Уходит лето проливным дождём,
Уходит тихо, как перелески,
Уходят вдаль, накинув палантин,
Туманной дымки голубые всплески.

Завела дорога за село

Завела дорога за село,
Увела в сиреневую чашу,
За гряды берёзовых стволов,
На алтарь к священному причастию.
Причаститься к свежести ручья,
Прикоснуться к нежной мягкой хвое
И вкусить священного огня,
Там, в тени, под кроною лесною.

Жене

Пишу письмо, как долго собирался
Я написать тебе, но множество забот
Не позволяли взять перо. Да так и оставался
Невыполненным долг. Но вот —
Окно неожиданно оказалось,
В делах успешный поворот...
Ну и письмо! На разворот!

Как ты живёшь? Как чувствуешь?
Здоровье,
Надеюсь я, тебя не подвело?
И на душе твоей светло!
И жизнь твоя совсем не мрачна,
И на работе всё удачно!

Пусть будет всё, как до сих пор!
А ты всегда давать умела
Невзгодам тягостным отпор.
Но то особый разговор!

Пускай оковы бытия
Твоей не сломят силы воли,
Почаще помни о друзьях,
А если что – дуй Таня в поле...

Где ветра чистая струя
И знай, что там же буду я.
Иносказательно, конечно.
(Я там, где ветер, буду вечно.)

И от обыденной трясины,
Пусть бог тебя убережёт,
И пусть она в свои глубины —
Не поглотит, не засосёт.

Вдыхай цветы, водой умойся
И обновление придёт,
В любимом деле успокойся,
Оно тебя не подведёт.

Ещё мечтай! Мечты доколе,
Мы позволяем им мечтать,
Взамен дают нам благодать,
Отдохновение душою.
Ну словом всё, что нужно нам,

Чтоб плыть по жизненным волнам.

Живу и я. На расстоянии.
Порою кажется вблизи,
Что мы вообще не расставались,
Что вот откроется...
И ты – войдёшь сюда,
И так, как прежде,
Уткнёшься носом щекоча...

И бури, выюги, бытия —
Дотоле грозными стенами,
Осатаневшими вокруг,
Давили сверху, снизу... Вдруг —
Такими мелкими ставали...
И уходили далеко...
А то и вовсе исчезали...

В минуты эти иногда,
Казалось вот ещё мгновенье
И расколовшись пополам,
Подарит миру откровение
Природа-мать. И рухнет тьма!
Пред изумлёнными очами —
Предстанет Истина сама.

Но это только лишь мгновенье,
Которому: «Остановись!» —
Готов кричать,
Не пронесись оно так быстро.
Снова жизнь,
Природы тайные законы,
Скрывают зановесью дел,
Нас возвращают снова к жизни,
В уже назначенный удел...
Оставив за собой предел познаний наших...
Исчезает мираж всесильности и мы —
В повозку жизни впряжены!

Вот и теперь, я оторвался
От дум нахлынувших... Мечты...!
А там опять, невольно, — ты!
И что поделать? Не от нас,
Зависит это положение
Вещей и дел. И то, что я
Не вижу здесь, сейчас, тебя.

Ну что, дружок, давай прощаться.
Желаю счастья и добра,

Здоровья крепкого большого,
Ну и конечно же ума,
Чтоб не наделала дурного.

Пожалуй, всё! Прощай, дитя!
Эмоций пламенных и женского чутья!

Другу

Возьми от мудрости лесов
Задумчивого вдохновения,
А у голодных диких псов —
Их стомогучего терпенья.
Когда загнав на ствол жратву,
Они сидят, и дни, и ночи.
И нету силы чтоб уйти
Их прочь заставила.
И мочи
Не хватит – вой, зови, кричи...
Они закон свой знают туго.
И нам терпеньем запастись
От них бы не мешало, друг мой.

Утро на перевале

Костра задумчивые песни,
На тёмных елях красный свет,
И ночь тревожная над бездной,
И упоительный рассвет.

А облака на перевале
Ввысь, как безумные взмывали,
В рассветном небе голубом,
Чуть обдавало ветерком,
Низины наполнились туманом,
Как темно-синим молоком.

В низу, в ущелье протекала
Река в скалистых берегах,
Шум где-то прятался в горах...
И красота вокруг такая,
Что жуть берет. Спаси, Аллах!

Поэма о лошади (*На колхозном току*)

Глядит лошадка умными глазами,
Копытом тихо землю бьёт
И осторожно тёплыми губами
С ладони хлеба корочку берёт.

Красавица равнин славяно-скифских,
В наш просвещенный и машинный век,
Забыл тебя хозяин твой старинный,
Забыл тебя твой добрый человек.

Затратил сотни лет на приручение,
Строптивый твой характер укротил,
Взнуздал тебя ременной уздой,
Дав закусить стальных удил.

И ты пошла смиренно бороздою,
Тянула плуг иль борону...
И пахарь шёл всегда с тобою,
Преображая целину.

С древнейших лет и до недавних былей,
Ты доброю помощницей была,
В упряжке шла, вздувая жилы,
И гордых всадников в сражения несла.

Предметом гордости была для селянина,
Предметом гордости для воина была,
Непросто было выбить славянина
Из твоего высокого седла.

Была чиста, ухожена и сыта,
Подкована умелым кузнецом,
Стаканчиком подрезаны копыта,
Хрустела яровым зерном.

А ныне ты заброшена, забыта,
Не кормлена, не чёсана стоишь.
И смотришь жалобно в бездонное корыто,
А там, простите, просто шиш.

Не выдержать тебе лихого состязания,
Машины мощные безжалостны и тут,
Придет пора и жалобное ржание

Освободит тебя от этих пут.

Ночь

Умылась ночь, начистилась до блеска,
Глядит на землю огоньками звёзд.
Струится тишина, без щебета, без всплеска.
Как тихий ручеек, источник чистых грёз.

Если активный, но дурак

Когда активный, но дурак —
То это хуже паразита!
Ты ж не уймёшь его никак —
Тут постоянно карта бита!
У дурака одна забота —
Чтоб «кучерявились» дела,
Чтоб видимость была в работе
И чтоб зарплата к сроку шла.
Тут вроде всё всегда кипит!
А дела нет — оно стоит.
Или — авральная страда...!
Гудят натужно провода...
Станки грохочут, скрежет, стук!
Работают не покладая рук...
А в результате хлам и брак.
На то он, видно, и дурак.

Тоска

Один я здесь, на белом свете.
Мне видно друга не найти.
Опять тупик и снова сети,
Я снова связан. Нет пути.

Хочу чтоб рухнули оковы
С моей надсаженной души.
Я гнул препятствия в подковы,
Когда встречались на пути.

А нынче как-то опустело,
Все краски вымыли дожди,
Когда б душа опять запела...
Пока – тоска! Сиди и жди.

Розы и шипы

Прости мне, боже милосердный,
Характер скверный и язык,
Вот только дай ему свободу —
Он тут же вывернет. Привык
Всегда показывать изнанку
И тут что хочешь! Хоть кричи!
О Господи! Опять курьёзы!
На рифму лезут кирпичи!
На рифму грозы или грёзы,
Прошу в свидетели, Столпы!
Поэт нормальный пишет розы,
А мне мерещатся шипы.

Шутка

Ночные звезды, как крупинки,
На небе россыпью горят.
Вниз смотрит месяц на ущербе,
Пошел рогатый на закат.
Как школьник свесился с карниза,
Шкодливый чёртиком глядит,
Поджал свои кривые ножки
И хочет спрыгнуть, но сидит.
Боится видно, паразит.

Поездка в Россию

И вновь пошли знакомые места,
Вдоль полотна дороги, чередую,
В просветах леса – домики в дали,
Лес тянется зелёною стеною.

России милые, знакомые места!
Я тосковал по ним в степях Донбасса.
Мне снилась зелень сочная листвы,
Трава зелёная до Спаса.

Я к ним стремился долго всей душой,
К красотам дивным причаститься,
Чтоб окунувшись обрести покой
И снова духом укрепиться.

Привет вам чащи в тёмных местах
И светлые, густые перелески,
Погосты в скошенных крестах,
Просёлки редкие, как солнечные всплески.

Гляжу в окно и хочется сказать:
«Остановись прекрасное мгновенье!»
Но поезд мчит, и всё уходит вспять,
И наплывают новые виденья.

Плывут, плывут, сменяются, плывут!
И проплывают словно в детской сказке:
«Россия здравствуй! Здравствуй мой приют,
Моё сокровище суровости и ласки!»

Старые церкви

Вознесенья, Успения, Спасы —
Великаны седой старины.
Возводили вас Провы да Власы
По понятиям своей красоты.
Возводили, чтоб «зело приятно»,
Чтобы радостно было для глаз.
На века, хорошо возводили.
Для себя и, конечно, для нас.

Путешествие по Сухоне

Шестой... Четвёртый... Скоро третий...
И так всё утро... Скоро день.
Вот только что отшлюзовались,
А впереди опять ступень.

Опять поднимемся немного
На верхний уровень реки,
Опять откроются ворота,
Махнут рукою речники.

Опять останется поселок
Стоять свой век в дали лесной,
И нужный труд свой ежедневный
Справлять с достоинством, с душой.
Земли бессменный часовой.

Лесной посёлок на Сухоне

Посёлок-труженик лесной,
Не бедный, но и не богатый.
В борьбе за жизнь свою – живой,
Приют охотников завзятых.
Да и таких же рыбаков,
Спокойных сильных речников.

Словно бессменный часовой
На пост поставленный когда-то.
Года проходят чередой,
А он с упрямостью солдата
Стоит над речкою лесной...
Посмотришь и в душе покой.

Декабристы

Они стоят в своём строю —
Полки гвардейские и роты.
Они хотели, чтоб царю
Понятны стали их заботы.

То был не тот, не русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный.
Интеллигентнейший протест
И восхитительная храбрость!

Ведь он, Вседержец, обещал,
Они, гвардейцы, – тупо ждали.
И вот пришёл всему конец,
Они, гвардейцы, – зароптали.

Они Европу всю прошли,
Они её завоевали,
Они в ней рабства не нашли
И в ней свободу осознали.

Тогда и вышли, став в каре,
И конституцию, и право
Потребовали от царя,
И все, кто зрел, кричали: «Браво!»

Они же верили, что он —
И сам не раз клеймил неволю,
И обвинял своих вельмож,
Что взяли у народа волю.

Но это было на словах,
А как дошло тогда до дела,
Он тихо предал и ушёл,
И брату передал умело.

А тот не думал уступать,
И против чести двинул пушки,
И кровь людская пролилась...
Вот так и кончились «игрушки».

Одних на виселицу – тех,
Кто на параде верховодил,
А остальных послал в Сибирь.
Но кой-кого и на свободе...

Действительность – и да, и нет!
И хоть гражданское, хоть папство,
Одно зовётся – высший свет,
А то – бессовестное рабство!

Тогда. Сейчас. Да хоть когда.
Просветы только иногда.

Загадка

Улыбается милая девушка,
Чистой струйкою тихо журчит,
Как берёзка под ветром безлистая,
Ветви-косы прижала, стоит...

Ветер хлещет дождями холодными,
А она улыбаясь поёт,
Тихо-тихо губами намокшими,
Словно счастье холодное пьёт.

Будто ветер холодный, неистовый
И лихая беда нипочём,
Улыбается тихо и ласково —
О девичьем, заветном, своём.

Симпатичная

Симпатичная, мягкая, нежная,
Ты вошла тихим шелестом трав,
Как осеннее тёплое солнышко,
Лепетанием светлых дубрав...
Тихой лаской, заботой окутала,
Подарила любовь и тепло,
И безмерное счастье оставила,
И взамен не взяла ничего.

Судьба крестьянина (1992 год)

Нас отличает от зверья,
До той поры, пока мы сыты.
Тогда рожаем мы детей,
Сердца для музыки открыты.

Искусства жаждем, любим спорт,
Пути наукам не закрыты.
Ну и не лезем, как свинья,
С ногами в сытное корыто.

И мы не думаем тогда,
На чём стоим, кем что добыто,
Кто кормит нас и кто поит,
Что кем построено, прорыто.

А вот когда живот – к спине!
От голодухи пухнут ноги,
Тогда мы вспоминаем всех,
И кто прокладывал дороги,
И сеял хлеб, и убирал,
Да и судьбе своей внимал,
Согласно собственной «Эклоги»!¹

Как ты теперь живёшь, крестьянин?
Что нового в твоей судьбе?
Исчез «великий обезьянник»
И ныне тянет всяк к себе!

Исчез «Варшавский блок» и «зоны»,
И развалились «лагеря»,
Погасла «красная заря»...
Да хрен бы с ней... А может зря?

Прошли года, пришли законы,
Но всё по прежнему, как в старь.
И видно с новыми властями
Для мужика – везде глухарь.

Болванимый псевдодрузьями,
Всех телевизорных мастей!
С вселенской подлостью судей,

¹ Это свод законов Византии и основа понятий восточнославянского права.

С вор-юр ловушками статей
И их казёнными домами...!

Лишился ль ты своих цепей?
«Свежо предание!» Скорей,
Сменилось качество цепей!

Но ведь и это же не всё!
В столицах – деньги, перемены!
Великих планов «громадьё»!
На двести вёрст отъезд от центра —
Средневековое житьё!

Капитализм... Социализм...
Хоть кибернетика, хоть веды...
Крестьянин – это соль земли!
А остальные – дармоеды.

Бюрократы

У них услужливый дурак
Всегда в почёте и фаворе!
Надёжен в каверзных делах,
А если что – его и в споре
Удобно просто разменять...
Или, как водится, – убрать!

И каждый важный бюрократ —
Всегда гребёт в своё корыто!
Они – единая семья,
У них всегда всё шито-крыто!

Его руками не возьмёшь!
И не обкрутишь «на мякине»!
Мы все зависимы от них —
Мы в их паскудной паутине!

Что-то нет ни единой строки

Что-то нет ни единой строки,
Не пишу, а скулить надоело.
Жду от жизни чего-то, всё жду,
Словно туга коварная съела
Ту великую радость души,
Что невзгоды когда-то громила...
Мнится мне, что я древний старик,
И стоит предо мною могила.

Мой удел очевидно таков —
Жизнь вести от работы до дому,
Обучать ремеслу дураков,
Как подземному чёрному гному —
Бить кайлом в трипустую руду,
Гневом неба навек осуждённый,
И дудеть под чужую дуду,
Видя взгляд на себе отчуждённый.

Но до крайности я не дойду!
Врёте вы! Я ещё не сражённый!
И с сумою я к вам не пойду,
Как за милостью раб побеждённый.

Ощущение весны

Весна. Стемнело потихоньку.
В долине мягкий лунный свет.
Ещё не тронутый брожением
Морозца тающий букет.

Ещё тепла как будто нет
И нет причин для возбуждения,
Ещё не тает с шумом снег,
Ещё капли чистый голос
Не будет нас от зимних нег.

Но что-то вдруг пошевелинулось,
В душе застигнутой врасплох,
Луна ль лукаво улыбнулась,
В крови подняв переполох?

Иль просто ты чутьём почуял,
Почуял внутренним чутьём,
Что скоро нам весна повеет
Своим дурманящим теплом.

Лунная поляна

Бредёт по грудь в тумане млечном
Походкой легкою луна
И мягко светит, но не греет
Красою хладною она.
Но в этой стати гордой девы,
Красы полунощных полей,
Всё ж ощущаются напевы
Зелёных летних тополей.
Ещё несёт печать морозца
Слегка осевший ломкий снег,
Но всё же пахнет звонкий воздух
Шелковым пухом мягких верб.

Лунный свет

Луна походкой гордой девы,
Спокойна, мягко холодна,
Идёт под тихие напевы
Полночных птиц, не зная сна.
Красою русскою ступая,
Стянув под грудь сарафан,
Бредёт сама куда не зная,
За тот темнеющий курган.

Федерико Гарсиа Лорка

Эмоций светлых трубадур,
Свободы чувств земных глашатай.
Певец цветов, людских натур,
Цыганской вольности крылатой.

Любви, что в сотни раз нежней
Цветущей яблони в тумане,
Нежней чем лунный свет в ночи,
При теплом ветре в океане.

Певец жасмина и олив,
Певец цветущих роц зелёных,
Страстей средь этих роц и нив,
И зова душ в ночи влюблённых.

И крики ужаса в ночи...
Средь тёмных улиц, словно пропасть...
И гимна тем, что палачи
Убили в утреннюю кротость!²

В своей фантазии, в стихах,
Границ и удержу не зная,
Он пел челом склоняясь ниц,
Любви свободу воспевая.

И устремлялся всей душой —
К своей возлюбленной, единой,
Всегда желанной и святой,
Своей поэзии любимой.

² Федерико Гарсиа Лорка – великий испанский поэт. Убит фашистами.

Закон

Закон похож на паровоз.
Уж коль наедет, то раздавит.
И не отскочишь, не свернёшь,
Он даже шансов не оставит.

А вот бывает и не так.
Ещё закон, он словно дышло!
А дышло? Как не повернёшь,
Телега так за ним и вышла.

Вот только кто всем этим правит?
И кто то дышло повернёт?
Туда закон тот и пойдёт!

Но иногда, тот паровоз...
Да! Может выручить! Всерьёз!
При чём, единственный! И люди
Порою жизнь свою кладут,
Чтобы избавить нас от пут
И беззакония лихого.
Закон – спокойствия основа!

Прозрение (1965 год)

Природа-мать!
Как больно рвутся струны!
Удар хлыста намного мягче. Стон
Души распятой – бьётся, словно жертва,
Под острым и безжалостным ножом!

Ни жалости, ни чувств, ни сострадания...
Удушью равнодушьем нет конца...
Двуличие приемлется как норма!
И наглость превозносит подлеца!

А парт-блудливость правит бал и тризну!
И нет от них, ни вздоха, ни житья!
Нас оплетают всех – одной паучьей сетью,
В единую систему бытия!

Но верю я! Ко всем придёт прозрение!
Через распятие душ... Или костёр отца...
Химеры ласковой шептание...
Иль показную праведность жреца...

Пусть ныне злобствуют!
Следят и распинают...
Порукою тому – веление сердец!
Они свой срок, последний, доживают
И ждёт их сокрушительный конец!

Осень

Осень пожелтевшими листьями
В поредевшей кроне шелестит.
Словно побелевшими устами
Об ушедшем счастье говорит.

О ненастье том, что ожидает,
Ожиданьем душу леденит,
Будто бы любимую венчает
Сном могильным каменный гранит.

Что же в этом тихом лепетании,
Слабый голос или красота?
Нас сильнее трогает за струны...
Луч надежды? Или нагота?

Листья нам надежду навевают...
Те, что не отпали на ветру,
Держатся за трепетные ветви,
За окном кивая по утру.

Моцарт

Да, Моцарт музыку писал,
Не мучаясь в тяжёлых родах.
Она текла, как с гор вода,
Ласкала слух, взрывалась в кодах.³
Пленяла светлой чистотой,
Равняла буйных и послушных,
Ей восхищались все, всегда!
К ней нет и ныне равнодушных.

³ Кода – это заключительный раздел в музыкальных произведениях, завершающий главную тему.

Зимний этюд

Пурга кружится над столбами,
Гудят, как струны, провода,
С улыбкой светлою над нами
Идёт красавица зима.
И снег летит в лицо с размаху,
Прохладным талым пухом бьёт,
Старик похож на росомаху,
Согнувшись медленно идёт.

Музыка

Как выразить в словах искусство чистое...?
Когда бы я умел... Когда бы только мог!
На этом гении ломались,
Не смея преступить порог!

Один Сальери, разве что, поведал,
Что «музыку разъял как труп».
И алгеброй – «гармонии отведал»...
А нам... Что в баню, что в поруб!⁴
На слух ли...? Ощупью...? На зуб...?
Но несомненно утверждаю,
Что музыка – совсем не труп!

Возможно, алгеброй... Возможно и отведал...
Возможно, так оно и есть!
Но разум – ничего здесь не изведал!
Поскольку – не его здесь честь!

Эмоции и чувства... Это – да!
Тут каждый сам себе – и гений, и учитель...
И царь, и управитель, и звезда!
И сам себе верховный предводитель!
И каждый прав, при этом! И всегда!

«Как луч зари, скользнувший с высоты,
Коснулся тихих вод... Вдруг облака зарделись...
И вот несётся вихрем хоровод...!»⁵
(Так может каждый идиот!)

Но где найти слова, эпитеты, сравнения?
Той буре чувств, что вспыхнет вдруг в груди...
И стынет кровь... И познаётся вечность...
И люди верят в человечность!
И слёзы льют... И видят смысл пути...
Вот только слова не найти!

⁴ Поруб – деревянная рубленая изба с подвалом для содержания узников. (Древняя Русь.)

⁵ Одно из типичных выражений, которыми обычно пользуются музыковеды.

Памяти Неждановой

Она сама, как песнь старинная,
Звезда дрожащая в тиши...
Как будто из тумана вставшее
Виденье чувственной мечты.
Там было столько человечности,
Она дарила дивный мир
Старинной песни – песни вечности.
Неподражаемый кумир!
Звучит романс... – душа в томлении...,
Как в годы юности былой,
Как жаль! Ведь всё, что ею делалось —
Давно ушло в тот мир иной.⁶

⁶ Солистка Большого театра, исполнявшая старинные романсы.

Ференц Лист

Великий гений – Ференц Лист!⁷
Он был великий композитор,
Непревзойдённый пианист,
Конечно – суперзнаменитость!
Великолепный симфонист!
Он – европейская звезда,
Что не померкнет никогда!

Он концертировал по свету
И изумительно играл,
Его рояль с концертной сцены,
Словно живой оркестр играл.

«Пиано» там – подобно флейте!
Он – в полторы октавы брал
Невероятные аккорды...!
Легенды? Сказки? Иль рекорды —
Божественного мастерства...
Иль совершенство божества?
Такие вот у нас «кроссворды»!⁸

⁷ Ференц Лист – великий венгерский композитор, по дошедшим до нас свидетельствам, обладал невероятными исполнительскими способностями, в некоторых случаях, непревзойдёнными до сих пор.

⁸ Здесь слово «кроссворды» использовано в смысле – «загадки». Кроссворды ведь «разгадывают». Значит это слово, помимо основного значения – «пересечение слов», должно нести в себе понятие – «загадка».

Шопен

Он был поэт печали светлой,⁹
Певец романтики былой,
Далёкой родины заветной,
Где был когда-то дом родной.

Дар очень редкий и большой,
Ни на кого не схожий гений,
С больной израненной душой,
Но удивительно живой!

Печаль светла и музыка прозрачна.
Как чистый, тихий, светлый родничок,
Из недр земных таинственно струится,
Преображаясь в тонкий ручеёк.

В начале робкий, еле слышный,
Но вот вливается в ручей,
И вот река вступает пышно...
Ни барабанов, ни мечей...
Здесь только лишь фортепиано.
Здесь нет оркестров. Он – сильнее!

⁹ Великий польский композитор. Он писал в основном фортепианные произведения. Его произведения настолько музыкально тонкие и проникновенные, что не любой пианист может их исполнить. Нет – играют все. Но правильно Шопена играют – единицы!

Н. А. Некрасову **(К 150-летию)**

Сто пятьдесят тому назад,
Минуло полтора уж века
России мудрая земля
Нам подарила человека.

Поэта с пламенной душой,
Борца, гонителя неволи,
И величайшего певца
Печальной, тяжелой женской доли.

Как гражданин своей земли,
Он с нею был до смерти связан:
«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан», —
Так он писал давным давно.
Так обращался он – к поэту...
(Так обращался он – к себе!
И верен был тому завету!)

Из окна самолета

Облака потемнели внизу за окном,
Даль сиреновой дымкой покрылась,
Солнце огненным шаром, в венце золотом,
За оранжевой кромкою скрылось.

Тени гуще, плотнее легли на земле,
Тучки, став сероватою ватой,
Под крыло самолёта уходят назад,
Массой дырчатой и клочковатой.

Поднимаемся быстро, темнеет быстрее,
Вот уже темнота победила.
И красавица ночь незаметно пришла,
И своим покрывалом накрыла.

А турбины гудят рассекая эфир,
Ставший чёрной тягучей смолою,
По проходу поднос стюардесса несёт
И поит нас шипучей водою.

Е. Мравинскому

Он сухощавый, строгий, стройный,
Изящен как аристократ,
Интеллигентен – во сто крат!
Его оркестр игрою страстной
Пленял всегда. И я был рад,
Когда за пультом дирижёра,
Стоял великий Автократ!¹⁰

Жест чёткий, сдержанный, скупой,
И вместе с тем такой упругий,
И выразительный такой!
Не машет он, как кто другой,
Как птица крыльями, не «пляшет»,
И не «куёт», как тот кузнец,
Не конвульсирует, не скачет —
Как глыба чёткая стоит,
И строго музыка звучит.

Он убедительно простой!
Эмоции он держит цепко.
Лишь иногда чуть-чуть прорвёт
И смотришь, снова спрятал крепко.
А постоянный, «этот взлёт», —
Красиво музыку ведёт!

И только ей – лишь ей одной!
Одной лишь музыке высокой,
Он позволял, и волновать,
И звать людей к мечте далёкой.

И будоражить ум людской —
Кого молчать, кого-то плакать,
И повергать, и исцелять,
И с душ счищать гнилую слякоть.

¹⁰ Великий дирижёр Ленинградского симфонического оркестра, отличался строгой, классической манерой исполнения. Автократ, по-древнегречески, – царь.

Георгу Отсу

Он был великий человек!¹¹
Явление! Двадцатый век!
Какое чувство песни золотое!
И голос бархатный. А тембр?
Великое – всегда простое.
А труд какой! Не зная языка...!
По нём бы изучать произношение.
Культура в том и есть наверняка —
Какое у тебя к чужой культуре отношение.

¹¹ Эстонский оперный певец, был особенно популярен как исполнитель эстрадных песен советского периода. Он абсолютно правильно исполнял песни на русском языке. В одном из интервью выяснилось, что он почти не владел русским языком. Своего правильного исполнения он добивался невероятно великим трудом.

Леониду Когану
(Великому скрипачу)

Примите искренний привет
Поклонника блестящего таланта!
Вы дарите великий свет
И бездну чувств большого музыканта.

Как передать все эти чувства?
Как постараться осознать?
Оформить мысли – в стройное течение
Стихов, способных описать
Невероятность исполнения?
Чтоб было музыке под стать!

Слова возможно и придут. (Потом!)
В каком-то новом настроении,
В каких-то новых сферах бытия,
Где царствует иное мнение,
Где, в сущности, нет и меня,
Где только лишь душа моя!

Ну а пока не стихли звуки,
Я плыл послушно по волнам
Волшебной скрипки, как по морю,
Смычку внимая и струнам.

По-новому воспринимая мир,
Я пил волшебный эликсир,
Безбрежный, как ночное море.
Или космический эфир,
Где нет ни радости, ни горя —
Лишь колдовство чудесных струн.
Да, вы действительно колдун!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.